

ВИСЕНТЕ БЛАСКО-ИБАНЬЕС

**МАВРИТАНСКАЯ
МЕСТЬ**

Висенте Бласко-Ибаньес

Мавританская месть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3167605

Аннотация

«Почти все пассажиры, ехавшие в вагоне третьего класса, знали красавицу Мариету в траурном платье, сидевшую с грудным ребенком у окна и избегавшую взглядов и разговоров с соседками...»

Висенте Бласко-Ибаньес

Мавританская месть

Почти все пассажиры, ехавшие в вагоне третьего класса, знали красавицу Мариету в траурном платье, сидевшую с грудным ребенком у окна и избегавшую взглядов и разговоров с соседками.

Старухи глядели на нее, одни с любопытством, другие с ненавистью, из-под ручек огромных корзин и из-за пакетов с покупками, сделанными в Валенсии и лежавшими теперь у них на коленях. Мужчины покуривали скверные сигары и бросали на Мариету страстные, пламенные взгляды.

Во всех углах вагона шел разговор о ней, и рассказывалась её история.

Это было первый раз, что Мариета решилась выйти из дому после смерти мужа. Три месяца прошло уже с тех пор. Не было сомнений, что она не смела выходить из дому из страха перед *Теулаи*, младшим братом мужа, человеком, который был грозой округа, имея только двадцать пять лет от роду. Он был бешено влюблен в свое ружье и свободу и, принадлежа к богатой семье, отказался от земледельческой жизни, чтобы жить то по деревням, где были снисходительные алькады, то в горах, когда *недолюбливавшие его люди* осмеливались обвинять его.

Мариета выглядела спокойною и довольною. Эх, скверная

это была баба! При её черной душе она была красива и величественна, как королева.

Каждый, кто видел ее в первый раз, приходил в восторг от её красоты. Она напоминала пресвятых дев, покровительниц деревень. Кожа её, бледная и прозрачная, как воск, оживлялась иногда прелестным румянцем. Черные, восточные глаза оттенялись длинными ресницами. Гордая шея перерезалась двумя горизонтальными линиями на гладкой, белой коже. Крепкие округлости её высокой, видной фигуры обнаруживались под черным платьем при малейшем движении.

Да, она была очень красива. Безумная любовь к ней бедного мужа была вполне понятна.

Тщетно противились родственники Пепета его браку с Мариетой. Женитьба на бедной девушке, когда он сам был богат, была в их глазах нелепостью, тем более, что невеста была дочерью ведьмы и, следовательно, наследницею её злых чар.

Но Пепет был непреклонен в своем решении. Мать его умерла от горя. Судя по рассказам соседок кумушек, она предпочла уйти из этого мира, лишь бы не видеть у себя в доме дочери *Ведьмы*. А *Теулаи*, хотя и был погибшим человеком и не много заботился о чести своей семьи, чуть не поссорился с братом. Он не мог примириться с тем, что получит в невестки красавицу – женщину, которая, по уверениям надежных людей в кабаке (а там собирались всегда самые почтенные люди), готовила злые зелья, помогала матери

срезать с детей-бродяг жир для приготовления таинственной мази и смазывала ее по субботам в полночь перед тем, как та вылетала в трубу.

Пепет, смеявшийся над этими толками, кончил тем, что женился на Мариете, и к дочери ведьмы перешли его виноградники, рожковые деревья, большой дом на Главной Улице и деньги, которые мать хранила в ящиках комода.

Он был без ума от Мариеты. Эти две волчицы дали ему, очевидно, какое-нибудь зелье, может быть, *чарующий порошок*, который, по утверждению наиболее опытных кумушек, связывает людей навсегда своею адскою силою.

Морщинистая ведьма с маленькими, злыми глазами, не проходившая по площади без того, чтобы мальчишки не стали кидать в нее камнями, осталась жить одна в своем домишке на краю деревни, где каждый проходивший ночью мимо непременно крестился. Пепет взял Мариету из этой дыры, гордясь тем, что жена его самая красивая женщина во всем округе.

Как зажили молодые! Добрые кумушки не могли вспомнить об этом без стыда. Недаром был заключен этот брак под влиянием нечистой силы. Пепет почти не выходил из дому, забросил работу на полях, предоставляя поденщикам делать, что хотят, и ни на секунду не расставался с женою. Проходя мимо их дома, люди видели в приоткрытую дверь или в широко раскрытые окна, как они обнимались и гонялись друг за другом с веселым смехом, опьяненные счастьем, оскорб-

ляя весь свет своею дерзкою любовью. Это не значило жить, как христиане. Это были две бешеных собаки, гонявшиеся друг за другом от никогда не удовлетворенного животного чувства. Ах, подлая баба! Она с матерью отравили Пепета своими напитками. Это видно было по его наружности; он все слабел, бледнел и таял, как свечка.

Местный врач, единственный человек, смеявшийся над ведьмами, зельем и суеверием людей, видел единственное спасение Пепета в том, чтобы разделить его с женою. Но тот и слышать не хотел об этом, и они продолжали жить вместе; он все худел и слабел, а она полнела и хорошела, глядя на сплетниц гордо и величественно. У них родился сын, и через два месяца после этого Пепет тихо умер, угас, как свет, не отпуская от себя жену до последней минуты и притягивая ее в свои страстные объятия.

В деревне поднялась настоящая буря. Смерть Пепета была несомненно вызвана гадким зельем. Старуха заперлась в своем домике, боясь народного гнева. Дочь не выходила несколько недель на улицу, и соседи слышали, как она рыдает и охает. В конце концов она стала ходить по вечерам с ребенком на кладбище, несмотря на враждебные взгляды местных жителей.

Вначале она боялась немного своего страшного зятя *Теулаи*, который держался того мнения, что убийство – самое подходящее занятие для мужчин и, возмущенный смертью брата, говорил в таверне о том, что разрубит на куски свою

невестку и её ведьму-мать. Но *Теулаи* исчез уже месяц тому назад. Он либо бродил с *родерами* в горах, либо находился *по делам* в другом конце провинции. Мариета решилась, наконец, выйти из деревни и отправиться в Валенсию за покупками. Какую важную барыню разыгрывала она на деньги бедного мужа! Может быть, ей хотелось, чтобы молодые господа в Валенсии наговорили ей любезностей, любуясь её красотой...

Враждебный шепот слышался во всех углах вагона. Взгляды всех пассажиров были обращены на нее, но Мариета поднимала свои властные глаза, шумно вдыхала в грудь воздух с самым презрительным видом и снова глядела на поля, на запыленные оливковые рощи, на белые дома, мелькавшие мимо поезда, в то время, как горизонт зажигался под солнцем, заходящим среди густых золотых облаков.

Поезд остановился на маленькой станции, и кумушки, сплетничавшие о Мариете больше других, поторопились выйти из вагона, выкинув вперед свои корзины и пакеты.

Некоторые из них оставались в этой деревне и прощались с другими – соседками Мариеты, которым приходилось идти до дому еще добрый час пешком.

Поддерживая на бедре корзину с покупками, красавица-вдова с ребенком на руках вышла со станции медленной походкой. Ей хотелось, чтобы злые кумушки прошли вперед и предоставили ей идти одной, не заставляя ее терпеть их гадкие сплетни.

На узких, извилистых улицах деревни с выступающими крышами домов было довольно темно. Последние дома тянулись вдоль дороги двумя рядами. За ними виднелись поля, эалитые голубым полумраком сумерек, а вдали, на широкой и пыльной дороге, вившейся лентой, тянулись, точно четки из муравьев, женщины, возвращавшиеся с ношами на голове в соседнюю деревню; башня деревни уже выглядывала из за холма, сверкая под последними лучами солнца крышею из глазированной черепицы.

Когда красавица Мариета очутилась одна на дороге, ею овладело вдруг некоторое беспокойство. Путь был длинен, и она не могла дойти до дому засветло.

Над дверью одного дома покачивалась сухая и пыльная ветка оливкового дерева, служившая вывескою для трактира. Под веткою стоял, прислонившись к двери спиною к деревне, маленький человек с засунутыми в пояс руками.

Мариета взглянула на него... Господи, что, если он обернется и окажется её зятем! Но в уверенности, что *Теулаи* далеко, очень далеко, Мариета продолжала путь, под влиянием тяжелой мысли о встрече, считая ее немислимою, но дрожа все-таки от одной возможности узнать *Теулаи* в человеке, стоявшем у двери трактира.

Она прошла мимо него, не поднимая глаз.

– Добрый вечер, Мариета.

Это был он... И встретившись лицом к лицу с ужасною действительностью, вдова перестала волноваться. У неё не

оставалось сомнений. Это был *Теулаи*, варвар с предательской улыбкою; и взгляд его был более страшен и жесток, чем все его прежние слова.

Мариета ответила на приветствие слабым голосом, и она, такая сильная и здоровая, почувствовала, что у неё подкашиваются ноги и сделала даже усилие, чтобы не выронить ребенка из рук.

Теулаи ядовито улыбнулся. Нечего пугаться. Разве они не родственники? Он очень рад встрече и проводит ее до дому, а по пути они поговорят о разных делах.

– Ступай, ступай, – говорил маленький человечек.

И рослая женщина пошла за ним следом покорно, как овца; казалось, что ее, крупную, сильную, с крепкими мускулами тащит за собою маленький, худенький, безобразный *Теулаи*, решительный характер которого выражался только в остром, странно-блестящем взгляде маленьких глаз. Мариета знала, на что он способен. Не раз падали сильные и здоровые мужчины под рукою этого гадкого, тщедушного существа.

У последнего дома деревни какая-то старуха подметала порог, напевая песню.

– Эй, тетка, поди сюда! – крикнул *Теулаи*. Старуха подбежала, бросив щетку. Зять Мариеты был слишком хорошо известен по всему округу, чтобы кто-нибудь осмелился ослушаться его.

Он взял ребенка из рук невестки, и не глядя на него,

точно он хотел избежать недостойных его сентиментальных чувств, передал мальчика старухе, приказав хорошенько присмотреть за ним... Это было дело получаса... Они вернутся за ребенком, как только покончат с одним делом.

Мариета зарыдала и ухватилась за мальчика, чтобы поцеловать его. Но зять оттащил ее.

– Иди, иди.

Вечерело.

Страх перед этим маленьким человеком, который был страшилищем для всех окружавших, побудил Мариету следовать за ним без ребенка без корзины. А старуха перекрестилась и поспешно вошла в дом.

Впереди на белой дороге намечались еле видными точками женщины, возвращавшиеся в деревню. Серый, вечерний туман стлался по полям и лугам, деревья приняли темно-синий тон, а наверху, на фиолетовом небе замерцали первые звезды.

Они молча шли в течение нескольких минут, пока Мариета не остановилась. Страх побудил ее принять вдруг решение. Он мог поговорить с нею и тут не хуже, чем в другом месте. Ноги её дрожали, она заикалась и не решалась поднять глаз на зятя.

Вдали слышался скрип колес. В полях перекликались голоса, резко звуча в тихой атмосфере сумерек.

Мариета тревожно глядела перед собою на дорогу. Никого. Она была одна с зятем.

Тот медленно заговорил, не переставая улыбаться адскою улыбкою... Ему нечего было сказать ей, разве только, чтобы она молилась. Да еще, если ей страшно, то может закрыть передником лицо. У такого человека, как он, нельзя безнаказанно убить брата.

Мариета попятилась назад с испуганным выражением человека, который просыпается внезапно и видит вокруг себя опасность. Воображение, затуманенное страхом, рисовало ей до этого момента, самое ужасное насилие – удары палкою, избитое тело, вырванные волосы, но... молиться и закрывать лицо! Умереть! И такие ужасы произносились так хладнокровно.

Заикаясь от страха, дрожа и умоляя, она попробовала умиловать *Теулаи*. Все это ложь и сплетни людские. Она любила его бедного брата всею душою, даже до сих пор, и умер он только потому, что не послушался её. А у неё не хватило духу выказывать холодность и равнодушие к человеку, который был так страстно влюблен в нее.

Но смельчак слушал ее молча, и саркастическая улыбка его сменилась отвратительною гримасою.

– Замолчи, дочь ведьмы.

Она с матерью убили бедного Пепета. Весь свет знал об этом. Они отравили его гадким зельем... А если он будет долго слушать ее, она околдует, пожалуй, и его. Но нет, он не попадется в её лапы, как дурак – брат.

И желая выказать твердость гиены, любящей на свете од-

ну только кровь, *Теулаи* схватил своими костлявыми руками Мариету за лицо, поднял его, чтобы рассмотреть поближе, и хладнокровно поглядел на её бледные щеки и черные, горящие глаза, на которых сверкали слезы.

– Ведьма... отравительница.

И несмотря на свою жалкую и тщедушную внешность, он одним ударом сбил здоровую женщину с ног, заставил ее – крепкую, сильную, мускулистую – встать на колени и, сделав шаг назад, стал искать что-то в поясе.

Мариета совсем обессилела. На дороге не было видно никого. Вдали по-прежнему слышались голоса людей и скрип колес; в соседнем болоте квакали лягушки; на склонах холмов стрекотали кузнечики, и собака зловеще выла около последних домов деревни. Поля медленно окутывались ночным туманом.

Когда Мариета почувствовала, что она окончательно осталась одна, и поняла, что умирает, вся её смелость и уверенность исчезли. Она разрыдалась, чувствуя себя слабою, как в детстве, когда мать била ее.

– Убей меня, убей, – застонала она, закрывая лицо черным передником и закутывая им голову.

Теулаи бесстрастно подошел к ней с пистолетом в руках. Он слышал, как невестка стонала под черною материею, словно ребенок, умоляя его покончить с нею поскорее, не заставляя ее страдать и вставляя в мольбу слова молитв, произносимых быстрым, прерывистым голосом. Он был опыт-

ным человеком и, направив дуло пистолета в определенное место под черным передником, выпустил сразу оба заряда.

Мариета выпрямилась среди дыма и огня, словно вскочила на пружине, и упала на землю, корчась в агонии и разбрасывая ногами ппатель.

Из черной безжизненной массы выглядывали белые чулки на очаровательно-полных ногах, содрогавшихся в последних муках агонии.

Теулаи же был вполне спокоен, как человек, который ничего не боится и рассчитывает в худшем случае на бегство в горы. Он был доволен своим поступком и вернулся в деревню за племянником.

Приняв мальчика из рук испуганной старухи, он чуть не заплакал.

– Бедненький, бедненький мой! – сказал он, целуя его.

И дядя был горд и счастлив, в уверенности, что совершил для ребенка великое дело.